

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТАЙНЫ БЕЗ СВИРИДОВА

Вечер памяти Георгия Свиридова.
Дмитрий Хворостовский. Петербургский камерный хор. БЗК

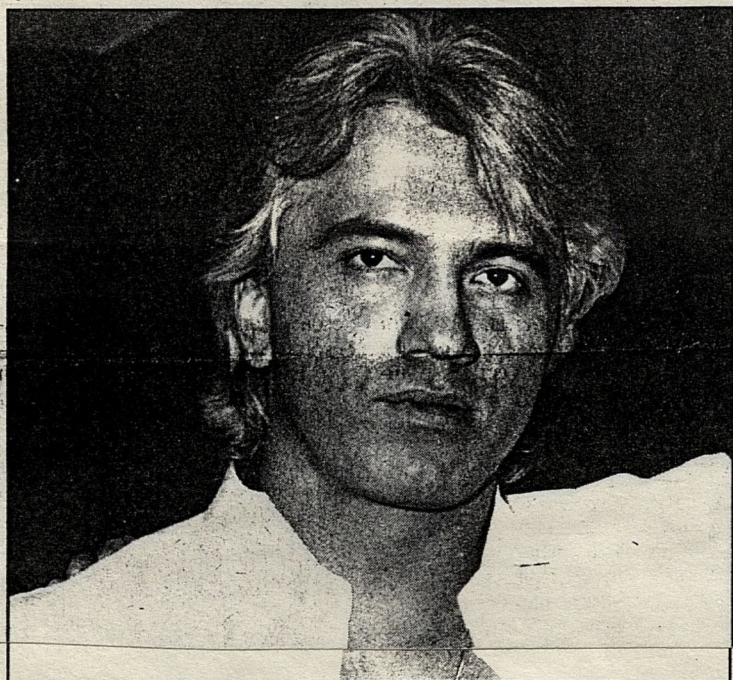

Фото Евгения БУРМИСТРОВА

Веч клуб. - 1998. - Дмитрий Хворостовский
29 окт. С.Ч.

В мае, лишь на несколько месяцев пережив мужа, скончалась жена Свиридова Эльза Густавовна. Идея этого концерта принадлежит ей: Первое отделение — Три пьесы из альбома для детей (они были написаны в 1948 году и посвящены сыну Георгию Георгиевичу — он умер раньше отца на неделю, но Свиридов не узнал об этом); Три стихотворения А. С. Пушкина; “Я отрок зажигаю свечи...” и “Икона” из цикла “Песни безвременья” на слова А. Блока; “Песнопения и молитвы”. Второе отделение — все блоковское — “Петербург”.

Такой концерт мог состояться только с участием Дмитрия Хворостовского. И он состоялся. Хотя по всему должен был сорваться: денег на переезд хора из Петербурга в Москву не хватало, ведь еще и гостиничные, и суточные, и го-

норар хористам. А Хворостовскому! Дмитрий Александрович сказал, что петь будет бесплатно, а все остальные расходы помогли филармонии оплатить банк “Замоскворецкий”, Британские авиалинии и сингапурская фирма “АСТА”. У входа в Большой зал консерватории, как всегда перед концертами, где звучит свиридовская музыка да еще в исполнении Хворостовского, спрашивали лишний билетик. Зал был переполнен. Но странное ощущение осталось после этого вечера...

Вступительное слово проректора Санкт-Петербургской консерватории Александра Белоненко было простым и беспасфосным. Он вспомнил последнюю встречу с композитором незадолго до его смерти. Свиридов цитировал Пушкина: “Но не хочу, о други, умирать...”. Вспомнил ответ Георгия

Васильевича на вопрос о поэме для голоса и фортепиано “Петербург”, писавшейся с 1968 по 1995 год, — почему в самом деле Петербург, а не Москва? “В Москве все ясно, — ответил тогда Свиридов. — А в Петербурге есть тайна”. И он эту тайну знал, совсем молодым, в годы учебы в Ленинградской консерватории, бродил по туманному берегу Финского залива, по глухим улицам, любимым некогда Блоком.

Звучание хора было прозрачным и чистым, несколько отстраненным, как и положено, в “Песнопениях и молитвах”. В какой-то момент, а точно — когда звучало “Неизреченное чудо”, завершающее “Песнопения и молитвы”, подумалось даже, что, может быть, он, сотворивший такую музыку, слышит это наше поминание, слившееся с любовью.

Дмитрий Хворостовский превосходно исполнил свою программу. Блоковский, свиридовский Петербург — он и его, без сомнения. Но несколько раз певец неточно воспроизвел стихи. Такого при Свиридове быть не могло. Публика в зале ужасно вдруг стала кашлять... Да что это в самом деле? Необъяснимо.

А мне вспомнилось первое исполнение “Петербурга” в этом же зале при Свиридове. Какой высокий накал, какой духовный энтузиазм и подступающее к горлу волнение!.. Присутствие гения заметить не может никто и ничто.

Он смотрел на нас с фотографии: седой, чуть улыбающийся тонкими губами, а больше — глазами, в свитерке... Все цветы — хризантемы, розы, гвоздики и снова розы, алые, пурпурные, очень много цветов, которыми одарили поклонники своего кумира-певца, Дмитрий Хворостовский положил к портрету Свиридова. И ничего не исполнил “на бис”.

Ирина КАРПЕНКО